

Аналитическая статья

УДК 1(091); DOI: 10.61260/2074-1618-2024-4-35-42

ПАМЯТЬ И ЧУВСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ В СТРУКТУРЕ ПОЗНАНИЯ

✉ Шевцов Константин Павлович.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

✉ shvkst@list.ru

Аннотация. Предложен обобщающий взгляд на основные компоненты чувственного восприятия, такие как чувственная данность и чувственные качества, интенциональность, первичный синтез воображения. Особое внимание уделено взаимодействию чувственных качеств, благодаря которому происходит выделение и своеобразная артикуляция или фиксация определенности чувственного качества в его связи с другими качествами. Этот пример взаимодействия чувственных каналов восприятия очень важен для формирования объемного образа реальности и выхода от поверхности ощущения к пространственной глубине действия. Не менее важным представляется и опыт проживания времени, поскольку именно протекание чувственных феноменов и синтез отдельных моментов в единстве узнаваемого образа формирует эйдетический уровень восприятия, необходимый для ориентации в мире, узнавания устойчивых объектов и общего порядка воспринимаемых явлений.

Ключевые слова: восприятие, чувственные качества, интенциональность, воображение, феномен

Для цитирования: Шевцов К.П. Память и чувственное восприятие в структуре познания // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2024. № 4 (65). С. 35–42. DOI: 10.61260/2074-1618-2024-4-35-42.

Analytical article

MEMORY AND SENSORY PERCEPTION IN THE STRUCTURE OF COGNITION

✉ Shevtsov Konstantin P.

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia

✉ shvkst@list.ru

Abstract. The article offers a generalizing view of the main components of sensory perception, such as sensory reality and sensory qualities, intentionality, and the primary synthesis of imagination. Special attention is paid to the interaction of sensory qualities, due to which there is a separation and a kind of articulation, or fixation, of the certainty of a sensory quality in its connection with other qualities. This example of the interaction of sensory channels of perception is very important for the formation of a three-dimensional image of reality and an exit from the surface of sensation to the spatial depth of action. The experience of living in time is no less important, since it is the flow of sensory phenomena and the synthesis of individual moments in the unity of a recognizable image that forms the eidetic level of perception necessary for orientation in the world, recognition of stable objects and the general order of perceived phenomena.

Keywords: perception, sensory qualities, intentionality, imagination, phenomenon

For citation: Shevtsov K.P. Memory and sensory perception in the structure of cognition // Psihologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva = Psychological and pedagogical problems of human and social security. 2024. № 4 (65). P. 35–42. DOI: 10.61260/2074-1618-2024-4-35-42.

© Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2024

Введение

В общем корпусе философского знания одной из важнейших и основополагающих частей, наряду с учением о бытии, является теория познания. От того, как мы мыслим структуру познания, какие инструменты и методы познания признаем в качестве неизбежных или допустимых, как понимаем природу субъекта познания и определяем его предмет, зависит в конечном итоге и то, каким образом могут быть поставлены и все другие философские проблемы (бытия, человека, общества, культуры, религии и пр.). И хотя очевидно, что теория познания не может заменить собой прочие части философского знания, разработка ее является существенным условием самой их возможности. Познание не является простым следствием применения человеческих способностей, но представляет собой очень сложный процесс, включающий в себя как получение и первичную обработку информации, поступающей из внешнего мира, так и фиксацию, сопоставление ее с уже наличной информацией, интерпретацию, планирование и организацию деятельности по ее проверке, уточнению, а также практическому использованию. Каждый этап требует не только активности познающего, но и формирования специфических средств распознавания, анализа, синтеза, распределения и организации информации, позволяющих удерживать множественность элементов процесса в единстве и целостности индивидуального акта познания. Исходя из наиболее общего понимания процесса познания, можно выделить три основных уровня организации его как целого. Во-первых, это уровень первичной данности информации в чувственном опыте, а также ее обработки и регистрации в структурах восприятия, памяти и воображения. Во-вторых, это уровень распределения и организации данных в систему отношений и зависимостей, являющуюся более или менее искусственной и независимой от непосредственного опыта и представленную структурой языка, логических правил, различных познавательных и стилистических норм, индивидуальных, социальных или культурных. И в-третьих, уровень организации практической деятельности, требующий механизма активного поиска пригодных моделей знания (как уже сформированных, так и совершенно новых), возможности их использования в конкретных обстоятельствах действия в связи с поставленными целями и доступными средствами. В данной статье кратко коснемся первого, базового, уровня познания, а именно восприятия.

Методы и результаты исследования, их обсуждение

В статье используются аналитический и феноменологический методы.

Восприятие – процесс целостного отражения предметов или предметных ситуаций, возникающий при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные зоны органов чувств. Чувствительность к раздражению является общим свойством всех живых организмов. С развитием и дифференциацией организмов усложняются и процессы регистрации раздражений, формируясь в разветвленную систему нервных клеток, связанных в единство центральной нервной системой. Нервные клетки могут значительно отличаться друг от друга по своей структуре, распределяться с различной плотностью по поверхности тела, организовываться вокруг специализированных органов чувств, обеспечивая тем самым различие и первичную обработку самых разнообразных воздействий. В таком исходном состоянии восприятие предстает как непосредственное, хотя и довольно сложно устроенное отражение внешних воздействий самой различной природы. Однако в действительности имеем процесс, в котором само по себе раздражение не является ни предметом, ни содержанием восприятия. Дело в том, что количество раздражителей настолько велико (и оно непрерывно возрастает с развитием нервной системы), что регистрация их превосходит возможности живого организма. Большая часть их должна быть либо оставлена без внимания, либо значительным образом преобразована. Иными словами, множество потенциальной информации должно быть ужато в ограниченное число значимых

единиц информации, актуальных для данного организма. Тем самым множеству соотносится единство, которое и воспринимается как определенное чувственное качество. Чтобы продемонстрировать различие двух видов существования информации (физического, определяющего непосредственное воздействие раздражителя, и психического, переработанного в определенное чувственное качество), приведем пример, предложенный в свое время французским философом А. Бергсоном. За одну секунду красный свет – его волны имеют наибольшую длину, и колебания их, соответственно, обладают наименьшей частотой – совершает 400 триллионов последовательных колебаний. Если мы хотим составить себе понятие об этом числе, то при средней скорости счета нам понадобится более 25 000 лет, чтобы закончить эту операцию, тогда как в чувственном восприятии красный цвет непосредственно фиксируется как определенное качество [1, с. 289].

Это различие двух форм существования информации настолько велико и существенно, что давно привело к возникновению одной из самых острых и одновременно фундаментальных проблем философии, а именно отношения психического и физического или духовного и материального. Согласно традиции, восходящей к учениям Платона и Аристотеля, душа противостоит материи как принцип единства и синтеза принципу разделения и множественности. Согласно конкурирующей традиции, также ведущей свою родословную от античной философии, материя сама по себе способна к организации и синтезу множества. При таком понимании психика является высшим уровнем самоорганизации материи, преобразующим множество воздействий в единство чувственных качеств. Обе позиции, расходясь по множеству пунктов, сходятся в главном: в решающей роли синтеза в формировании познания и, прежде всего, восприятия.

Хотя любая попытка заглянуть в природу этого синтеза ведет к непримиримому противостоянию двух традиций, мы можем, ограничиваясь более скромной задачей, выделить те особенности синтеза, которые наиболее существенны для формирования восприятия. Чувственное качество не просто объединяет множество раздражителей в единство, но делает это так, чтобы мы мгновенно могли отличить его от других множеств и соответствующих им качеств. Оно, таким образом, устанавливает определенные отношения сходства и различия с другими качествами. Так мы отличаем красный цвет от зеленого, но и тот и другой воспринимаем именно как цвета, отличные в этом смысле от видимой формы предмета, а тем более от качеств, доставляемых другими органами чувств (например, слуховых или тактильных). Внутри этого отношения сходств и различий качество выявляется в разной степени обобщения: от конкретного аспекта (оттенка цвета, яркости или затененности и т.п.) до наиболее устойчивого ядра, общего множеству вариаций и нюансов. Обретая устойчивость в вариациях, воспроизводимость в новых условиях, чувственное качество формируется в образ, позволяющий в принципе связывать любое новое впечатление со всем множеством уже воспринятых и известных. Именно это свойство образа, возводящее множество ощущений в связность опыта, позволило И. Канту ввести понятие продуктивного воображения, фактически заменяющего в его системе понятие восприятия. В качестве же базовых образов восприятия, устанавливающих всеобщность связи чувственных данных, И. Кант рассматривает формы пространства и времени как наиболее общие принципы качественной взаимосвязи: принцип сосуществования в восприятии (пространство) и принцип последовательности восприятий (время).

Синтез чувственных данных в восприятии неразрывно связан с взаиморазличением качеств, то есть с анализом (выделением) таких сторон образа, которые могут как сближать его с другими образами, так и противопоставлять им. Физиологической основой анализа является различие рецепторных зон (зрительной, слуховой и пр.), а также различие нервных клеток, реагирующих на различные раздражители (например, вибрацию, давление, температуру и прочие в случае тактильного опыта). Однако анализ осуществляется не только на уровне первичной данности чувственных качеств, но и в дальнейшем пронизывает любую деятельность по синтезу восприятия. Так, видеть что-либо – это почти всегда значит видеть в таком качестве, в котором нечто могло бы ощущаться только тактильно или на вкус,

на запах, на слух. К примеру, лист дерева, который видится уже как сочетание таких качеств, которые могли бы открыться только в руке, на языке и губах, в застывшей, нереализованной возможности шелеста, реализованном, но также и зримом запахе, узнаваемом благодаря особому растительному оттенку зеленого, связанному именно с источением запаха. В осуществлении простого действия восприятия происходит уже целое взаимоопосредование различных чувственных качеств.

Другой пример. Металлический замок, который видится таким образом, что уже в самом визуальном явлении проживается также и незримый холод поверхности. Причем этот холод проживается не как прибавка к видению («холодок по коже»), а как само качество цвета, его свечения внутри этого видимого пространства. Более того, нам только потому и удается различить и зафиксировать это визуальное качество, что оно уже пронизано отличным от него качеством тактильного прикосновения. Так же обстоит дело и с различением звука. Отечественный психолог Теплов, занимаясь исследованием музыкальных способностей, обратил внимание на то значение, которое для многих музыкантов имеют моторные и зрительные представления. Они делают более ясным и отчетливым прослушивание музыкальных фрагментов: выходит так, что именно зрительные и моторные элементы позволяют собственно слышать, то есть различать чисто акустические качества. Таким образом, синтез качества не завершает собой работы восприятия, он открыт выделению множества нюансов образа, тому дополнительному анализу, который позволяет многократно настраивать восприятие, уточнять и доводить его до максимально возможной ясности и адекватности своему предмету.

Наши ощущения, начиная с мышечного чувства и продолжая тактильностью, вкусом, обонянием, слухом и зрением, образуют своеобразную иерархию, суть которой в степени близости или отдаления, отсроченности воспринимаемого. Мышечное чувство ориентировано исключительно на само воспринимающее-воспринимаемое тело; кожные рецепторы, распределенные по поверхности, обращены к тому, что непосредственно касается тела извне. Вкус локализован еще определеннее и может благодаря этому организовывать выборку внешних контактов. Запах уже ориентирует на восприятие расстояния, отделяющего от объекта, и таких интенсифицирующих его посредников, которые не принадлежат самому телу (потоки воздуха). Слух еще более чувствителен к расстоянию, более свободен в отношении посредников, но в отличие от зрения еще слишком привязан к воспринимаемому. Наконец, зрение не только распространяет поле восприятия до космических масштабов, но благодаря возможности закрыть глаза, прищуриться, отвернуться, пользуется почти неограниченной свободой в отношении воспринимаемого объекта.

Эта иерархия не дает предпочтения какому-либо из ощущений, поскольку, к примеру, зрение, самое свободное из всех других восприятий по отношению к своему объекту, менее всего свободно именно в отношении самих этих восприятий. Оно в наибольшей степени пронизано мышечным чувством и тактильностью, предчувствием запаха своих объектов и их звучания. То, чего достигает указанная иерархия чувств, так это построение пространства ориентации тела в отношении внешнего мира, прежде всего, в связи с такими фундаментальными категориями как «ближе» и «дальше». Не меньшее значение имеет различение «правого» и «левого», «переднего» и «заднего» – всех тех элементов ориентации, которые задаются двойственностью органов чувств (два глаза, уха, две ноздри, две руки), и определяют возможность отслеживания источника сигнала и его направления, разворота в его сторону, присматривания, прислушивания – все то, что мы называем обращением внимания, его «включением» или «переключением». Таким образом, отображение действительности в чувственном опыте происходит не только как существенная переработка полученного сигнала (внешнего раздражения), но и как гибкая система ориентации в отношении источника.

Понимание деятельности восприятия как синтеза ставит серьезную проблему перед теорией познания. В наиболее строгом виде она была сформулирована И. Кантом. Если все, что мы знаем о мире, является результатом собственной активности восприятия,

трансформирующей сырой материал ощущений, то никаким знанием о вещах самих по себе мы обладать не можем, тем более что и в ощущениях нам даются не сами вещи, а лишь следы их воздействия на нас. Вещи в восприятии – не то, что они есть в себе, а лишь то, как они нам являются [2, с. 24]. В соответствии с этим познание, по Канту, является не столько познанием мира и его законов, сколько развертыванием синтетических моделей самого разума. Эта идея Канта встретила критику со стороны тех, кто настаивал, что каков бы ни был способ явления вещи, это всегда проявление самой ее сущности, того, что она есть на самом деле, сама в себе. В самом деле, синтез восприятия невозможен без анализа, без возобновляющегося прояснения связи восприятия и его предмета. Процесс восприятия непрерывен, а это значит, что мы не удовлетворяемся одним отображением вещи и постоянно ищем нового ее выявления. Сам синтез возможен не иначе как внутри первичности и непрерывности явления вещи. Не имеет смысла даже думать о какой-то иной сущности вещи, кроме той, что дана в этой непрерывности выявления.

Иными словами, до самого различия явления и сущности (вещи для нас и вещи в себе), более того, до всякого различия вообще, включая различие психического и физического, восприятия и его предмета, образа и вещи, мы имеем первичное поле данности, выявления, то, что получило название феномен. Греческое выражение φαῖνομενον, к которому восходит термин «феномен», производно от глагола φαῖνομεστα, который означает: показывать себя [3, с. 35]. Это буквально то, что показывает себя, дано как свет, ясность, то есть то, что делает само себя видимым. Свет, постоянно обновляясь, рассеиваясь, отражаясь и мерцая, различает предметы в нашем поле зрения. Точно также дается нам и любая иная чувственная данность, поскольку в основе ее явления – непрерывность временного обновления, непрерывно протекающий, возникающий заново, различающий новое момент «теперь». Это «теперь» и есть первичное феноменальное поле, собственно наше настоящее, в свете которого мы различаем, с одной стороны, восприятие (его акты, структуры, образы), с другой, – то, на что оно направлено, предмет, являющий себя в своем подлинном качестве.

Восприятие отнюдь не только образ, синтезирующий чувственные данные. В нем различается являющийся предмет и направленность на него (интенция). Всякий акт (впрочем, не только восприятия, но и воображения, мышления, оценки и пр.) направлен на предмет, и, наоборот, всякий предмет дан исключительно в акте сознания (как интенциональный коррелят). Поэтому с точки зрения феноменологии восприятия не может быть никакой вещи в себе, поскольку сама природа явления требует полной взаимосотнесенности акта и его предмета. То, что до сих пор мы называли образом, с этой точки зрения должно быть определено в качестве первичного различия акта и предмета. Это то, что позволяет нам открывать в предмете новые аспекты, описывать его, удерживать в поле явленности для новых актов восприятия и описания. Иными словами, феноменология понимает образ не столько как воспринимаемое качество предмета, сколько как образ (способ) восприятия (как мы говорим, например, об образе видения, отличая его от видимого образа).

Мы обнаружили три подхода к процессу восприятия. Более традиционный, согласно которому восприятие есть образ, определенный воздействием внешнего мира (концепция отражения). Кантовский, устанавливающий активность воображения в формировании чувственного опыта. И феноменологический, настаивающий на взаимной активности сознания и предмета, являющего себя в направленных на него актах. Эти подходы подчеркивают различные аспекты восприятия и не столько опровергают, сколько дополняют друг друга.

Действительно, восприятие отражает, но также и активно отображает предметный мир. Но, помимо этого, оно устанавливает и непрерывность взаимосвязи акта и предмета или, как говорят феноменологи, наделяет смыслом. Вещь воспринимается, лишь поскольку устанавливается ее отношение к воспринимающему, поскольку она узнается, имеет смысл для сознания. Сама предметная форма, упакованность множества раздражителей в границах

образа – уже есть та первичная осмысленность, которая делает понятным, обозримым и узнаваемым для нас окружающий мир. Только в таком более или менее устойчивом и определенном мире мы как в зеркале узнаем свои акты, благодаря чему можем контролировать восприятие, направлять его и перенаправлять с предмета на предмет. Эта предметная форма – то, что принадлежит вещам и вместе с тем является нам как отражение актов восприятия, его синтезов – и есть то общее в восприятии и предмете, что определяется как выявление, как исходная феноменальность сознания и бытия.

Каждый феномен в этом поле уникален, но его особенность открывается лишь в связи с актами, а через них – в связи с другими феноменами. Таким образом, единичность и специфичность явления дана сразу вместе с общностью его другим феноменам. Это общее не примысливается задним числом, а непосредственно усматривается как некий вид, единый в бесконечности проявлений вещи, то, что вслед за Платоном принято называть эйдосом. Эйдетическое восприятие позволяет устанавливать связь в множестве разрозненных феноменов и упорядочивать все поле восприятия в систему ясноопределенных регионов бытия (например, объектных или процессуальных, качественных или количественных и т.д.), иными словами, распределять феномены по определенным категориям и классам явлений.

До сих пор речь шла больше о самой возможности восприятия в связке чувственных качеств, в образах и феноменах. Теперь стоит сказать пару слов о том, какова структура воспринимаемого. В психологии давно установлена исключительная значимость отношения фигуры и фона – гештальта, фокусирующего все внимание на актуализированном фрагменте поля восприятия. Фигура вылепливается в сознании тем четче и яснее, чем более нейтральным или вообще неразличимым является окружающий ее фон. Неважно, представлен ли он другими фигурами, неподвижен или находится в движении, фон должен отступать во временное ничто, но при этом никогда не исчезать полностью. Он должен оставаться непроявленной возможностью, контекстом, в котором только и определяются многие грани и свойства воспринимаемого. Это фоновое, теневое существование оказывается не менее важным для восприятия, чем само выявление, феноменальность, о которой речь шла выше. Дело в том, что в восприятии мы не только отражаем и выявляем предметный мир, но и присваиваем его себе в качестве своего увиденного, услышанного и т.д.

И здесь мы сталкиваемся с принципиальной ограниченностью самой возможности усвоения. Мы можем увидеть одним взглядом огромное множество вещей, но при этом не можем также легко разглядеть их, даже просто узнать и запомнить. Психологи считают, что средний объем непосредственного восприятия и памяти можно описать числом 7 ± 2 единицы. Все остальное множество остается лишь фоном, оно подчиняется и остается в тени выделенного числа. Это характеризует не только предмет отдельного восприятия. То же имеет место и для различных актов восприятия. Мы не можем в один и тот же миг с одинаковой отчетливостью видеть и слышать, касаться предмета и ощущать на себе его прикосновение. Одно непременно актуализируется за счет другого и отходит в тень, становясь фоном нового восприятия. Таким образом, в структуру восприятия на равных правах входит принятие, присвоение и потеря, отодвигание, причем потерянное, забытое мы не стираем полностью, а как раз в таком притушенном, фоновом качестве используем для различения нового.

Это соединение в одном акте принятия и потери определяет меру усвоения – собственно то, что индивидуализирует наше восприятие. То, что уходит в фон, становится фоном, на котором мы различаем собственную активность как индивидуальную связь множества актов восприятия. Таким образом, различие акта и предмета, о котором шла речь в связи с понятием феномена, корректируется более первичным для нас различием усвоения и потери, актуальности феномена и потенциальности фона. На самом деле фон присутствует уже в самой фигуре как глубина (плотность, тяжесть) выявляемых в ней свойств. Например, тактильных качеств, которые мы непосредственно узнаем в видимом облике вещи (гладкая,

шероховатая и т.д.) или в звучании (мягкий, колющий, режущий звук). Это телесность вещи, отсылающая к нашему собственному телу как условию восприятия и усвоения.

В «Феноменологии восприятия» Мерло-Понти приводит много примеров взаимного определения чувственных качеств в восприятии («видение звуков или слышание цветов», узнавания качеств тактильного опыта в качествах визуального), по его мнению, именно эта «синергетическая система» [4, с. 301], собранная из взаимных «переводов» ощущений, образует то, что он затем назовет «плотью мира», окутывающей вещи и приводящей их к видимости. «Перевод» ощущений не означает их действительной прозрачности друг для друга, скорее мы можем говорить о том, что одно ощущение, сопровождая другое, позволяет усиливать и выделять те качества, которые иначе слились бы в общем потоке впечатлений. То есть речь должна идти об усилении одного канала ощущений другим, и, как правило, один из каналов становится ведущим, доминирующим, поскольку на него начинают работать все остальные.

В свое время Жан Мартен Шарко обратил внимание на то, что восприятие и память зависят от ведущего канала ощущений, каковым может быть как зрение, так и слух, тактильность или двигательные ощущения. Пьеру Жане удалось показать, что утрата ведущего чувства ведет к исчезновению воспоминаний и даже выпадению сколь угодно значительного «фрагмента» личности, связанного с потерянной частью прошлого [5, с. 112]. Очевидно, что доминация одного из каналов упрощает ориентацию в мире, причем с практической стороны зрительный опыт не лучшим образом подходит для ведущей роли, поскольку, открывая широкое пространство для действия, он не дает простой, «точечной» формы преломления действия в восприятии. Но, очевидно, чувственность не является исключительно личным достоянием, и для коллективного тела ведущим каналом часто выступает именно визуальность, по крайней мере с момента появления первых цивилизаций, основанных на разделении центра и периферии, городской стены и внешнего городу пространства, монументальной архитектуры и открытости городских площадей.

Итак, различие акта и предмета усваивается нами постольку, поскольку в саму природу восприятия входит необходимость потери, отодвигания воспринятого. Как и феноменальность настоящего, она дается в самой временности переживания. Действительно, всякое «теперь» удерживается не только как возникающее, но также и как протекающее, уходящее. Гуссерль Э. с позиции феноменологии описывает это ускользание настоящего как ретенцию, удержание следа [6, с. 28]. По его мнению, в непосредственном восприятии настоящего большую часть акта уже составляет восприятие настоящего как прошлого, удержанного лишь в момент его протекания. Можно добавить, что только эта потеря и предоставляет место новому настоящему, открывает возможности нового восприятия.

С этим связано очень важное свойство нашего восприятия, буквально – восприятие невоспринимаемого. В действительности невозможен такой ракурс вещи, при котором она была бы видна целиком. Тем не менее мы без особого труда схватываем ее взглядом как целое. Более того, образ, который мы создаем в этот момент, включает отсылку к множеству сторон, возможных аспектов вещи, которые не только не видны нам, но, возможно, вообще никогда не могли быть нами увидены. Показательный пример мы находим в материалах по детской психологии. Известно, что у маленьких детей направленное движение рук осуществляется только под контролем глаза (как это происходит и у высших приматов), а после девяти месяцев ребенок продолжает тянуться к предмету даже после того, как его накрывают накидкой, так что он вместе с рукой исчезает из поля зрения. В этот момент рука начинает «видеть» невидимое в той же мере, в какой до сих пор зрение управляло рукой, присваивая себе своеобразное право «касаться» вещей [7, с. 281].

Глубина пространства, плотность вещей и т.д. – это то, что воспринимается исключительно как некая трансформация феномена, его существенная связь с невоспринимаемым, отодвинутым в тень объемом информации. Таким образом, восприятие дает нам картину уже не только настоящего, но также прошлого, ушедшего,

и будущего, открытого различным возможным реализациям. Только в этом открытом пространстве реализации возможно преобразование восприятия в действие. В психическом развитии ребенка это освоение глубины невидимого пространства совпадает по времени с узнаванием своего телесного образа (усвоением собственного тела как особой вещи среди других вещей: так называемая «стадия зеркала» [2, с. 129]), и непосредственно предшествует становлению на ноги и освоению ходьбы.

Заключение

Автор рассмотрел основные компоненты чувственного восприятия, такие как чувственная данность, взаимная дополнительность чувственных качеств, интенциональность, первичный синтез воображения. Показал, что при взаимодействии чувственных качеств происходит своеобразная артикуляция и фиксация определенности чувственного качества в его связи с другими качествами. Организация чувственных качеств, воспринимаемых разными перцептивными каналами, позволяет формировать объемный образ реальности и открывать доступ к пространственной глубине мира, в которой человек располагает и управляет своим телом и совершает действия с материальными объектами.

Список источников

1. Бергсон А. Собр. соч.: в 4-х т. М.: Московский Клуб, 1992. Т. 1.
2. Кант И. Сочинения: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 3.
3. Хайдеггер М. Бытие и время: пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem.
4. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия: пер. с фр. / под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999.
5. Жане Пьер. Психический автоматизм. Экспериментальное исследование низших форм человеческой деятельности. СПб.: Наука, 2009.
6. Гуссерль Эд. Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Изд-во «Гнозис», 1994.
7. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.

References

1. Bergson A. Sobr. soch.: v 4-kh t. M.: Moskovskij Klub, 1992. T. 1.
2. Kant I. Sochineniya: v 8-mi t. M.: Choro, 1994. T. 3.
3. Khajdegger M. Bytie i vremya: per. s nem. V.V. Bibikhina. M.: Ad Marginem.
4. Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya: per. s fr. / pod red. I.S. Vdovinoj, S.L. Fokina. SPb.: Yuventa; Nauka, 1999.
5. Zhane P'er. Psikhicheskij avtomatizm. Ehksperimental'noe issledovanie nizshikh form chelovecheskoj deyatel'nosti. SPb.: Nauka, 2009.
6. Gusserl' Ehd. Sobranie sochinenij. T. 1. Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni. M.: Izd-vo «GnoziS», 1994.
7. Bruner Dzh. Psikhologiya poznaniya. M.: Progress, 1977.

Информация о статье: статья поступила в редакцию: 02.11.2024; принята к публикации: 26.11.2024
Information about the article: the article was submitted to the editorial office: 02.11.2024;
accepted for publication: 26.11.2024

Информация об авторе:

Шевцов Константин Павлович, профессор кафедры философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), доктор философских наук, e-mail: shvkst@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7768-4602>, SPIN-код: 4464-1902

Information about the authors:

Shevtsov Konstantin P., professor of the department of philosophy and social sciences of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), doctor of philosophy, e-mail: shvkst@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7768-4602>, SPIN: 4464-1902